

Виктор Королев г. Екатеринбург

Любовью брата.

А может быть, ещё сильнее

Мрачный возвращался Пушкин из южной ссылки. Мрачный и злой, недовольный жизнью, самим собой и тем, что случилось. Исключён из службы, выслан в родительское имение. Неделя езды на перекладных все кишки вывернула, всю душу перетрясла на дорожных ухабах. А как всё было весело, радостно и счастливо. В Кишинёве, в Крыму, в Одессе – Раевские, Потоцкие, Елизавета Ксаверьевна... Как хорошо ему жилось, как здорово писалось, а ещё лучше – влюблялось! Без любви совсем не пишется. А что в этом Михайловском? Скукота и серость. Слава богу, что не Сибирь – только это и утешает.

Мрачный подъезжал Пушкин к родному дому.

Встретили его радостно. Но как же трудно видеть эту деревенскую глушь после блеска светской жизни! Он давно уже отвык и от своих родных, и от того духа Михайловского, который раньше казался таким тёплым, таким возбуждающе-светлым и счастливым. Нет, он здесь долго не протянет.

Первые два месяца показались хуже сибирской каторги. Всё вокруг – и окружающие люди, и осенний лес, и потемневшая речка – раздражало, казалось неприветливым и злым. В таком обиженном, оскорблённом и ожесточённом состоянии он пишет княгине В. Ф. Вяземской: *«По части общества я часто выдаюсь с одною доброю старою соседкой, слушаю её патриархальные разговоры; дочери её довольно дурные во всех отношениях, играют мне Россини»*. Чуть позже, в письме сестре Ольге, ещё резче: *«Твои тригорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы»*.

Всё общество поэта – постаревшая няня да многочисленное семейство соседки, тригорской помещицы Прасковьи Александровны Осиповой, состоявшей в некотором родстве с Пушкиными: её родная сестра была замужем за двоюродным дядей поэта по матери.

Хозяйка имения П. А. Осипова старше поэта на 18 лет. В год рождения Александра Сергеевича она вышла замуж за тверского помещика Н. И. Вульфа, от этого брака родились трое сыновей и две дочери. В 1813 году стала вдовой. Второй раз вышла замуж за отставного чиновника И. С. Осипова, который скончался незадолго до приезда Пушкина в Михайловское. Так что у Прасковьи Александровны на руках кроме старших детей остались малолетние Екатерина и Мария.

Появление Пушкина в её доме было встречено с восторгом. С Алексеем Вульфом, старшим сыном Прасковьи Александровны, студентом Дерптского университета, они тут же стали друзьями. С Евпраксией, которой в ту пору было всего пятнадцать лет, у Пушкина установились шутливо-дружеские отношения: поэт сразу покорила её, предложив померяться на спор, чья талия тоньше. Старшей сестрой Анной, почти его ровесницей, поэт был поначалу увлечён. Потом...

Потом, спустя два месяца, это был уже совсем другой Пушкин. Тоскливая и неприветливая осень сменилась солнечными,

морозными днями. И в декабрьский приезд его в Тригорское девушки уже не казались такими «несносными дурами», даже наоборот. Он пишет Алексею Вульф в Дерпт:

*Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой (...)
Запируем – уж, молчи!
Чудо – жизнь анахорета!
В Троггорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же – то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.*

Хандра прошла. Он ожил. Он снова пишет стихи. Это значит – он влюблён...

В Тригорском, в доме П. А. Осиповой жила и её падчерица Александра, дочь второго мужа. В семье звали её и Алиной, и Сашенькой. Стройная, застенчивая девушка всегда оставалась немножко в стороне от общих игр и забав. Она не была дикаркой, но шумному обществу предпочитала уединение. Сколько упреков и нареканий выслушала она от Прасковьи Александровны, когда уходила побродить одна в непогоду! И как часто можно было увидеть, что она шепчется в уголке с сёстрами и глаза её красны от слёз!

Когда в Тригорском появился Пушкин, ей было двадцать лет, самый расцвет. Поэт сразу обратил на неё внимание (в декабре ему нравились уже и остальные местные барышни).

Позже графиня Е. Н. Вревская напишет А. Н. Вульф: *«Наш приятель Пушкин сумел занять чувство у трёх сестёр. Сестра [речь идет об Алине], вероятно, тебе опишет подробно поездки свои и последствия оных. Она меня пугает своим воображением и романтизмом...»*

О том, что Алина Осипова – романтическая натура «с воображением», Алексею Вульф можно было не напоминать. Он это знал лучше всех: его и Алину, сводных бра-

та и сестру, связывали особые отношения. Но никто из членов семьи не догадывался об этом...

Алексей Вульф приехал в Тригорское на зимние каникулы. Как и мечтал Пушкин, был «бутылоч полный ящик», катание на лошадях с бубенцами, стрельба из пистолетов и прочие рождественские шалости. Чаще всего их было трое – Вульф, Алина и Пушкин. Поэт остался в Тригорском и на Новый год, и на святки. Здесь ему уже было интереснее, чем в Михайловском. Особо занятно ему было наблюдать за своим новым другом и застенчивой, быстро краснеющей Алиной.

Потом праздники кончились. Вульф уехал. Вернулся в Михайловское и Пушкин. Всю весну он много работает: берётся за очередную главу «Онегина» и полностью переделывает план романа, заканчивает начатых в Одессе «Цыган».

А потом наступило лето. И, получив приглашение Прасковьи Александровны, Александр Сергеевич помчался в Тригорское... Все были просто счастливы, несмотря на то что Алексей Вульф не смог приехать.

«Пушкин по дороге из Тригорского в Михайловское». Художник П. Т. Фомин (1919–1996).

Дорога, изрытая дождями, и вот уже виден дом, украшенный портиками и колоннами, и парк на трёх знаменитых холмах. Встреча оказалась более чем радостной. Алина смотрела на поэта такими сияющими глазами, что он просто потерял голову. Но на что можно было рассчитывать под неусыпным надзором маменьки? Лишь слу-

чайные прикосновения рук. Как робки и пугливы они были! А эти дивные вечера, когда Алина садилась за фортепиано! Едва её белые нежные пальчики касались клавиш, у него перехватывало дух, и сердце трепетало, и становилось тяжело дышать оттого, что вот она – такая близкая и такая недосягаемая...

А как он был счастлив, когда им вдвоём разрешили поехать в Опочку. Всё семейство вышло их провожать. Он усадил Алину в коляску, а сам запрыгнул на место кучера. В глазах Прасковьи Александровны взволнованный Пушкин успел прочитать: «Бог вам судья!»

...От реки дорога поворачивала вправо, к Михайловскому. Но Пушкин пустил лошадь вдоль берега, по перелеску. Спустившись с небольшого холма, оставил коляску. Подал девушке руку и удивился, как горяча была её ладонь, как темны её глаза.

Они шли по приникшей от жары траве, потихоньку спускаясь к реке. Он рассказывал ей что-то уморительное, и она в ответ благодарно смеялась, поворачиваясь к нему лицом и как бы всем телом. А потом он спросил:

– Ангел мой, ты его любишь?

Она остановилась от неожиданности, хотя оба знали ответ.

– Кого?!

– Алексея, – сказал он тихо и, как ему самому казалось, грустно.

Она долго не отвечала. Шла бок о бок с ним, помахивая кружевным белым зонтиком.

– Пушкин, вы противный! – наконец сказала она спокойно и раздумчиво. – Он же брат мой. Мне как-то и в голову не приходило думать об этом. Может быть, он меня и любит. Любовью брата, не более того... Нет, вы противный, Пушкин!

Она вдруг вся ожила, встрепенулась и воскликнула:

– Смотрите, какая красивая сосна! Побежали к ней?

И тут же, подобрав одной рукой юбки, помчалась по тропе. Да так быстро и так грациозно, что первые минуты он только

глядел ей вслед – ах, душечка, до чего же хороша!

Догнал он её, лишь когда она, запыхавшись, остановилась у самой сосны и повернулась к нему раскрасневшимся лицом. Тут он её и поцеловал.

Сначала она не хотела давать свои губы, но вдруг вся обмякла, почти повиснув на его шее. И лишь успела подумать: «Как жёстко Алёша целует, совсем не так, как Пушкин. Господи, что я делаю?!» Потом и эта мысль куда-то ушла, растаяла, и сама она стала тянуть, как свечечка, и зонтик выпал из тонких её пальцев...

Когда они возвращались домой, уже в коляске, где Пушкин сидел за кучера, она сказала тихо в его спину:

– Я прекрасно понимаю, что у нас с Алёшей нет будущего. Он же брат мой...

Прасковья Александровна была мудрой женщиной. Она сразу обо всём догадалась. Но трагедии делать не стала. Как не стала раздувать скандала, узнав о близких отношениях сына с падчерицей. Роман Сашеньки и Алексея перестал быть секретом в семье, досужих разговоров по этому поводу никто из её членов не вёл. Ещё спокойнее все встретили её роман с Пушкиным: уж лучше так, «по-родственному», чем с каким-нибудь заезжим циркачом или журналистом.

Легко отнёсся к ситуации и сам Алексей Вульф. «Саша всегда меня будет одинаково любить», – написал он Пушкину. В чём полностью удостоверился, приехав в очередной раз на каникулы. Пушкина не было. Он появился в Тригорском, когда Вульф уже уехал. И бурный роман поэта с Алиной закрутился с новой силой. «То так, то пятак, то денежка», – смеясь, повторял Пушкин понравившуюся ему присказку.

Способная ученица Сашенька переняла от обоих умение наслаждаться. Весёлые прогулки и «гулянье под луной» сделало из неё страстную и влюбчивую женщину. Летом 1826 года они уже встречались все вместе и лишь иногда по-доброму подтрунивали друг над другом, проводя время в «спокойных наслаждениях». Ни обид, ни ревности не было ни у кого из троих. А лю-

бовь была – иначе не родился бы у Пушкина бессмертный шедевр:

*Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
Но в этой глупости ужасной
У ваших ног я признаюсь (...)
Без вас мне скучно, я зеваю,
При вас мне грустно, я терплю;
И мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Сказать ли вам моё несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой, в ненастье,
Вы собираетесь вдаль
И ваши слёзы в одиночку,
И речи в уголку вдвоём.
И путешествие в Опочку,
И фортепяно вечером?
Алина! Сжальтесь надо мною,
Не смею требовать любви:
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я тебя не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня нетрудно!
Я сам обманываться рад!*

В этом «Признании» есть всё – и грустная нежность, и безумная страсть, и добрая зависть к счастливому сопернику, с которым Алина ведёт «речи в уголку вдвоём». Но в то же время стихотворение довольно шуточно по тону, несколько наигранно и легкомысленно, точно так же, как легкомыслен был и сам роман поэта с Сашенькой Осиповой.

Спустя годы одна из дочерей, Анна Николаевна Вульф, пожаловалась на свою мать. Речь в её письме к сестре Евпраксии шла о воспитании младших дочерей, совсем молоденьких: «Как ей [т. е. матери] не стыдно и не совестно, право, их так воспитывать. Неужели ей мало, что наши все судьбы исковеркала. У нас, по крайней мере, был Пушкин, который был звездой добра и зла для Сашеньки».

Эта не совсем ясная фраза говорит об огромном значении, которое имел Пушкин

в жизни Сашеньки Осиповой. Когда кончится его ссылка, поэт напишет Прасковье Александровне: «Лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда приковано моё сердце».

...В сентябре 1826 года они расстались. А через год уехал на службу в столицу и Вульф. Новые петербургские увлечения, связь с Анной Керн (снова любовный треугольник) и особенно роман с её сестрой, Лизой Полторацкой, заставили Алексея забыть о Сашеньке. Забыл о ней и Пушкин, как всегда ветреный, непостоянный и жаждущий новых удовольствий. Все тригорские барышни, и даже их мать, остались лишь в его «донжуанском списке».

Сдержанная и умная Сашенька лишь после своего замужества открыла сёстрам тайну своих отношений с Пушкиным и Алексеем. Много лет она носила это в своей душе, переживала и не переставала любить... обоих.

В сентябре 1835 года Александр Сергеевич, гостивший в Тригорском, будучи уже отцом семейства, вдруг пишет письмо Алине, которая была уже женой псковского полицмейстера Бекмешова:

«Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпраксия Николаевна, сказав, что Вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для Вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами в образе Марии Ивановны. Вы не поверите, как она напоминает прежнее время. И путешествия в Опочку. И прочая. Простите мне мою дружескую болтовню. Целую Ваши ручки. А. П.»

Александра Ивановна, теперь уже замужняя дама, не ответила на письмо. Больше они не встречались.

Другие произведения автора по ссылке
planeta-knig.ru/shop/user/1104/goods